

**Специфические условия и этапы
институционализации демократии в России 1990-х гг.**

Ф. С. Антонов

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

aspirantura@mgou.ru

Рассмотрена третья волна демократизации, начавшаяся в России в конце 1980-х гг. Проанализированы основные этапы демократической институционализации в России. Сделаны выводы о завершении первого этапа в 1990-е гг., формировании основных политических институтов и кодификации базовых демократических норм, а также о незавершенности второго этапа демократической институционализации в силу его осложненности рядом факторов. Среди них отмечаются разочарование граждан в последствиях экономической либерализации, кризис легитимности политических демократических институтов, сменившийся реставрацией традиционно-харизматического типа легитимности, и кризис политической идентичности.

Ключевые слова: демократия; демократический транзит; политические институты; институционализация; либерализация; политическая культура; легитимность.

**Specific Conditions and Stages of Democracy Institutionalization
in Russia in the 1990s**

F. S. Antonov

Moscow Region State University, Moscow, Russia

aspirantura@mgou.ru

The author did consider third wave of democratization, which began in Russia in the late 1980s, analyzing the main stages of democratic institutionalization in Russia. From that the author did draw two conclusions: about the completion of the first stage in the 1990s — the formation of basic political institutions and codification of basic democratic norms, — and about the incompleteness of the second stage of democratic institutionalization due to its complication by several factors. He has mentioned among them the citizens' disappointment in the consequences of economic liberalization, the crisis of political democratic institutions' legitimacy, replaced by restoration of traditionally charismatic type of legitimacy, and the crisis of political identity.

Keywords: democracy; democratic transit; political institutions; institutionalization; liberalization; political culture; legitimacy.

Процесс социального и политического развития с древних времен, с начала оформления общинных отношений, представляет собой непрерывный процесс восходящей институционализации: усложнения и усовершенствования истинно человеческих форм жизни — политических организаций. Именно в этом контексте можно утверждать, что человек уже более 2500 лет отправляет социальную жизнь в институционализированных рамках, будучи «политическим животным». Предметом нашего исследования является исключительно демократическая институционализация, т. е. оформление (переоформление, трансформация) тех институтов и связанных с их деятельностью норм, традиций и образов действий, которые способствуют осуществлению и воспроизводству демократических политических отношений и политической культуры участия. Демократическая институционализация включает в себя три основных этапа: создание политических институтов, их укоренение в политической культуре и рост их эффективности.

Перечислим основные политические институты, формирование которых составило главное содержание первого этапа демократического транзита России в 1990-е гг.

— Конституция и законы, кодифицирующие права человека и гражданина, приоритет этих прав над интересами государства и общества, а также организации, механизмы и процедуры реализации и обеспечения прав человека и гражданина.

— Система сдержек и противовесов, организационно, нормативно и процедурно обеспечивающая реализацию

принципа разделения властей, свободы и независимости каждой из ветвей власти, а также суда.

— Разделение власти по вертикали, т. е. принцип федерализма (сохраняющий свою исключительную важность для демократий), а также институты и процедуры, обеспечивающие этот принцип.

— Политический плюрализм, обеспеченный организациями и процедурами, реализующими и защищающими свободу политических взглядов, слова, собраний, совести и другие базовые демократические свободы (свободы личности).

— Система кодифицированных в ключевых нормах права гарантий приоритета свобод личности над интересами общества и государства, создававшаяся в 1990-е гг. фактически с нуля.

— Правовое государство, организационное и нормативное обеспечение верховенства закона, правопорядка.

— Гражданское общество в многообразии его элементов: развитая система частной собственности и частного предпринимательства, неполитические некоммерческие общественные организации, обеспечивающие гражданам возможность социального участия и соучастия в общественной жизни, система местного самоуправления [1; 2; 3, с. 267—268].

Демократический транзит (особенно протекающий в форсированной форме, как в России) предполагает, что первый этап институционализации (учреждение институтов и кодификация норм) переходит во второй. Содержание следующего этапа составляют укоренение демократических институтов в политической культуре, в политическом

сознании граждан, в процедурных аспектах политической жизни; адаптация к устоям, традициям и ценностям общества. В ходе второго этапа каждый из институтов должен, с одной стороны, быть легитимирован своей политической и социальной эффективностью и, с другой, приобрести доверие граждан. Вторая стадия не может быть форсирована: ее интенсивность и успешность зависит как от готовности граждан и представителей власти интериоризировать новые институты, нормы и процедуры, от возможности интегрировать инновации и сложившиеся традиции, так и от эффективности функционирования самих институтов [4; 5; 6; 7].

Однако именно этот этап демократической институционализации — на наш взгляд, самый важный — был осложнен рядом факторов объективного свойства, причем в такой мере, что, по мнению ряда ученых, его нельзя считать завершенным. Остановимся на кратком анализе ключевых факторов, повлиявших на ход демократического транзита.

Социально-экономические факторы. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. Советский Союз, а вскоре Россия вступили на путь экономической либерализации, осуществлявшейся, по сути, в режиме «шоковой терапии» [8]: масштабнейшие политические реформы сопровождались форсированной ломкой командно-административной плановой экономики и построением неолиберальной модели экономической системы. Все административно-хозяйственные связи предприятий, регионов, государств обрывались, вся суть экономических и социальных отношений перестраивалась. Разрушение экономических связей и отношений, инфраструктуры, приватизация через процедуры залоговых аукционов и многие другие болезненные процессы протекали форсированно,

по приказам сверху, без какой-либо опоры на общественный консенсус. Неизбежным следствием стал спад производства и даже полная остановка предприятий и промышленных комплексов.

Это привело к росту безработицы, на фоне резкого повышения цен беспрецедентно снизился уровень доходов и качество жизни почти всего населения — таким образом, в России возникли «устойчивые группы бедных семей, у которых шансов вырваться из бедности практически нет» [9, с. 667]. Согласно официальным данным, в 1992—1993 гг. денежные доходы 1/3 населения были ниже величины прожиточного минимума¹. Постсоветским социальным парадоксом стало наличие бедного, даже нищего работающего населения, уровень доходов которого критически отставал от прожиточного минимума; наименее защищенными оказались нетрудоспособные слои населения.

В числе **политических факторов**, затруднивших второй этап демократического транзита, прежде всего следует назвать разразившийся в начале 1990-х гг. кризис легитимности власти администрации первого Президента РФ Б. Н. Ельцина. Становление легитимности нового демократического режима, олицетворяемого самой личностью Б. Н. Ельцина, имело два весомых основания: дискредитация фигуры и периода правления М. С. Горбачева и «кредит доверия», выданный населением лично Б. Н. Ельцину после августовского путча 1991 г.

Однако уже в 1992—1993 гг. сложилось противостояние двух новых политических институтов, ключевых для нарождавшейся демократии: президента и парламента, причем ответственность

¹ Исследователи доходов населения ставят под сомнение официальные данные о численности лиц, имеющих доходы ниже величины прожиточного минимума, так как считают их сильно заниженными.

за зарождение и эскалацию конфликта в значительной степени лежала на носителе самой идеи демократии, ее олицетворении — президенте Б. Н. Ельцине. Сам политический конфликт 1993 г. продемонстрировал всему миру, и в первую очередь населению России, что новые политические институты страны, самопрезентовавшиеся как демократические, не только неэффективны и не способствуют становлению демократических практик и процедур, но и прибегают к незаконному и неоправданному насилию для разрешения внутривнутриполитического конфликта, что президент применяет военную силу против представителей своего народа на глазах мирового сообщества. В ходе политического кризиса 1993 г. были низвергнуты и попораны ключевые демократические ценности, прежде всего приоритет жизни, прав и свобод человека над любыми политическими интересами. В итоге глубочайший кризис поразил всю систему политической власти в России [10; 11; 12; 13; 14] и приобрел такие масштабы, что вопрос ставился «не об изолированных конфликтах и противоречиях, — политических и социальных — а об их соединении в одну большую, не объяснимую частными причинами систему цивилизационного кризиса» [9, с. 100].

Кризис легитимности катализировался социально-экономическим кризисом и тем ключевым обстоятельством, что экономические реформы продолжались форсированно, по авторитарным принципам уже тогда, когда кредит доверия и социальное терпение населения были исчерпаны, а его социальные ожидания — обмануты². В свою очередь,

² Исследователи отмечают, что в начале 1990-х гг. большинство населения, воодушевленное ломкой авторитарного режима и ожиданиями скорого построения общества «как на Западе», готово было терпеть «временные трудности» [15, с. 157].

все социально-экономические проблемы усугублялись кризисом легитимности, поскольку, как известно, «реформы могут успешно проводиться только легитимной государственной властью, которая в состоянии согласовать ценностные ориентации различных групп населения по поводу целей и средств преобразований и не допустить перерастания социокультурных противоречий раскола в необратимый процесс социальное-политическое дезорганизации» [16, с. 100]. Новые демократические институты были предельно неэффективны: ни президент, ни правительство, ни представительские органы власти не могли предложить обществу не только стратегии выхода из глубокого кризиса, но даже ни одного ответа на экономический или политический вызов. Ни один из представителей власти не возложил на себя ответственности за ситуацию в России.

Растущая неэффективность федеральной власти послужила поводом к тому, что от нее по сути отреклись региональные лидеры и национальные и региональные элиты. Во всех без исключения регионах, даже в Москве, наблюдались тенденции к снижению доверия федеральному центру при росте поддержки региональных лидеров и элит. Последние все громче и настойчивее высказывали свою нелояльность президенту и правительству и проводили политику экономического и социокультурного сепаратизма, по разным причинам находившую поддержку населения: одни люди поддержали их «из-за постоянного протеста, другие — из искренней веры в преимущества полной независимости и желания возвысить своего регионального лидера, третьи — из опасений не поддержать вовремя своего всемогущего “феодала”» [17, с. 118].

В результате деятельности политических антрепренеров-сепаратистов (спекулировавших на недовольстве центром населения регионов и педалировавших латентные межэтнические противоречия) [17, с. 118] политические трещины по линиям *региональная элита — центр* превратились в несколько тектонических разломов, главный из которых, *юг России — Центр*, приобрел форму вооруженного конфликта, затем — так называемых контртеррористических операций, а по сути войн, в Чечне.

Таким образом, на политическом уровне были сформированы новые политические институты, кодифицированы нормы и процедуры; вместе с тем не было ни времени, ни условий для формирования основ демократической политической культуры. Причем если разделить содержание политической культуры на такие компоненты, как политическое сознание и политическое поведение общества, во-первых, и культуру функционирования государственных органов, во-вторых, то можно утверждать, что на уровне государства произошел отказ от укрепления демократических оснований легитимности и был взят курс на построение симбиотической модели харизматически-авторитарной легитимности. Демократическая легитимность новых институтов была крайне ненадежна и неустойчива, тогда как харизматически-авторитарная обладала проверенной временем устойчивостью и эффективностью. Действительно, «верховная власть в России, начиная со Смутного времени, зиждется на сложном сочетании различных оснований легитимности: договорном, преемственном, наследственном, выборно-демократическом. После прерывания династической преемственности, под давлением правящей верхушки (боярства, ЦК ВКПБ, олигархов и т. д.) верховная власть обращается к поиску новых способов легитимации.

В “смутных” условиях все инструменты применяются для того, чтобы укрепить власть как “вещь в себе”, поэтому любая форма власти в России рано или поздно кренился на сторону абсолютизма» [18, с. 77].

Социокультурные факторы. Граждане России были обмануты в своих надеждах на быстрое построение либерального общества, и вызванное этим разочарование интенсивно замешалось (и заместилось) в общественном сознании разочарованием в самих демократических идеях и ценностях. При массивном воздействии пропаганды (со стороны сначала коммунистических сил, а затем и государства) демократические преобразования начала 1990-х гг. стали прочно ассоциироваться у масс граждан с социальной несправедливостью, бедностью, падением качества жизни, бесконтрольным насилием на фоне «слабости» государства, т. е. со всем тем, что в российском общественном сознании составляет архетип³ «нестабильности». По этой причине вскоре, уже в 1996 г., результаты выборов показали, что большинство граждан остро нуждаются в порядке, стабильности, прочности социальной и политической жизни, «силе» государства, даже ценой противопоставления порядка и стабильности ключевым демократическим ценностям: свободе и правам человека. В социально-экономической жизни большинство граждан также оказались не готовы использовать шансы на построение либеральных экономических отношений и массово предпочли пассивную социально-издывенческую выжидательную позицию, в расчете на возвращение государства к роли социального опекуна.

³ Идею о существовании в подсознании «архетипов» («формальных схем, которые в символической форме отражают биосоциально оформленный культурный опыт человеческого рода» [19, с. 10]) выдвинул К. Г. Юнг на основании анализа символики сновидений.

Помимо социального иждивенчества, политическая культура постсоветского (посттоталитарного) типа характеризуется наличием нескольких архетипов, составляющих основное ядро политического сознания большинства россиян.

1. *Государствоцентризм*, т. е. примат прав и интересов государства над правами и интересами граждан. Для большинства российских граждан патриотизм есть в первую очередь любовь к своей Родине — государству, гордость за его победы и свершения, поскольку именно государство, а не личность и не община образует в национальном самосознании «становой хребет русской цивилизации», выступая единственным и безальтернативным «гарантом целостности и самого существования общества» [20]. Большинство россиян убеждены в необходимости, значимости и истинности решений и действий государства для обеспечения порядка и стабильности в стране [21, с. 79—84]. При этом сами порядок и стабильность традиционно ставятся выше свободы и либерального выбора: «Базовой ценностью политического менталитета россиян выступает порядок. В силу этого большинство граждан чувствуют себя комфортно лишь в ситуации определенности, где существуют конкретные предписания, что и как делать. Ситуация неопределенности <...> раздражает» [16, с. 341].

2. *Вождизм*, выражающийся в персонифицированном восприятии власти (государства в целом, политического лидера или суда), в понимании ее не как института, а как прав и возможностей одной конкретной личности: «Персонализация, сакрализация верховной власти, восприятие образа лидера сквозь призму представлений о спасителе, “отце-благодетеле”, “царе-батюшке” в сочетании с клиентелизмом, абсолютизацией роли личности, склонностью

к авторитаризму» [22, с. 19]. Российская политическая история фактически не знала демократического лидерства, тогда как политическое руководство так или иначе олицетворялось фигурой «царя-батюшки», априори справедливого, всемогущего и непогрешимого. Одна из сторон вождизма и персонифицированного восприятия власти — недоверие к обезличенным институтам и «обезличенным» нормам, решениям и процедурам. Так, россияне не признают самозначимой ценностью сменяемость представителей всех ветвей власти, в которой в значительной степени заключена сущность представительской демократии, более того, необходимость выборов ставится под сомнение.

3. *Идеализация справедливости в форме всеобщего равенства*, берущая начало в традициях общинности и отрицательно закрепленная в советский период. Социалистическая по своей сути модель справедливости фактически отрицает демократический институт и идеал частной собственности, не признавая также и институционализированного феномена либеральной свободы. Вместе с тем ее сущность напрямую связана с идеями защиты естественных прав человека, главное из которых — право на присвоение себе результатов своего труда, т. е. право частной собственности.

4. *Отдание предпочтения подданнической пассивности* перед гражданской активностью, политический абсентизм, неверие в потенциал и возможности проявлений гражданского несогласия, страх перед репрессиями, предрасположенность к социально-политическому конформизму, соглашательству, приспособленческим стратегиям социального и политического поведения.

5. *Иррационализм*: приоритет эмоции, веры, интуиции над знанием и пониманием, соответственно не критичность

и доверчивость, поиск простых ответов, создающие благоприятную основу для любого рода популизма и препятствующие интериоризации демократических идеалов и ценностей, сформировавшихся в Европе в эпоху Просвещения. К сожалению, сегодня, как и в 1990-е гг., «опираясь на пietet перед властью, гражданский конформизм, политическую суперлояльность, отсутствие осознанной дифференциации политических интересов и согласие с жесткой регламентированностью частной жизни, индивидуальное сознание граждан находится в зачаточном состоянии» [23, с. 181]. Отметим, что традиционный иррационализм и «духовное рабство» [24, с. 10] позволяют государственной власти искать опору легитимности в вере и религии: «...За счет использования информационного и символического потенциала традиционной религии политический режим символически “отмежевывается” от западного либерализма, повестка дня российской политической жизни дополняется национальной спецификой, создается образ истинно национальной власти, укрепляется фундамент легитимности» [25, с. 130].

Итак, все рассмотренные выше факторы позволяют заключить: их влияние, а также воздействие некоторых других, дополняющих этот ряд, крайне осложнило второй этап демократического транзита в России и фактически затормозило ее переход к третьему этапу.

Литература

1. **Исаев Б. А., Баранов Н. А.** Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб. [и др.]: Питер, 2008. 394 с.
2. **Бондарчук Р. Ч., Машиаров Е. И.** Конституционно-правовые основы организации и деятельности Правительства Российской Федерации и исполнительной власти. Электрон. текстовые дан. М.: РПА Минюста России, 2013. 1 CD-R. № гос. рег.: 0321601469. Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz; 128 Мб RAM; 100 Мб HDD; Windows, Linux; MS Word 2003.
3. **Голосов Г. В.** Российская партийная система и региональная политика. 1993—2003. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 304 с. (Труды факультета политических наук и социологии).
4. **Гельман В. Я.** Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М.: МОНФ, 1999. 240 с. (Монографии; № 7).
5. **Лейхарт А.** Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс, 1997. 288 с.
6. **Мельвиль А. Ю.** Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. Электрон. текстовые дан. М.: МОНФ, 1999. 106 с.: табл. (Научные доклады / Моск. обществ. науч. фонд; № 7). Систем. требования: Internet Explorer, Acrobat Reader.
7. **Мельвиль А. Ю.** Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 6—38.
8. **Зубова Л. Г.** Социальное расслоение в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 3. С. 27—30.
9. **Кара-Мурза С. Г.** Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней. М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. 766 с.
10. **Бляхер Л. Е., Огурицова Т. Л.** Приключения легитимности власти в России, или воссоздание презумпции виновности // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 53—66.
11. Легитимность политической власти (Методологические проблемы и российские реалии): монография / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, В. П. Макаренко, Е. М. Харитонов. М.: Высшая школа, 1996. 252 с.
12. **Дахин А. А.** Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 29—40.
13. **Ефимов В. И.** Власть в России: монография. М.: РАГС, 1996. 273 с.
14. **Пивоваров Ю. С.** Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 12—32.
15. **Назаров М. М.** Политическая культура Российского общества 1991—1995 гг.: опыт социологического исследования. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 175 с.: табл.

16. **Исаев Б. А., Баранов Н. А.** Современная российская политика. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
17. **Кодин М. И.** Россия в «сумерках» трансформаций: эволюция, революция или контрреволюция? М.: [Б. и.], 2001. 187 с. (Экономика).
18. **Растимешина Т. В.** Культурное наследие Церкви в презентации великодержавной модели истории и образа «народной монархии» в современной России // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2012. № 5 (17). С. 76—84.
19. **Ионов И. Н.** Историческое бессознательное и политический миф: историографический очерк // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования / Сост. А. П. Логунов, Т. В. Евгеньева. М.: РГГУ, 1996. С. 5—21.
20. **Баталов Э. Я.** Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7 № 3. С. 7—22.
21. **Выдрин Д. И.** Очерки практической политологии. Киев: Философская и социологическая мысль, 1991. 128 с.
22. **Растимешина Т. В.** Культурное наследие и подданническая политическая культура российского общества // Власть. 2012. № 2. С. 18—21.
23. **Ольшанский Д. В.** Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с. (Gaudeamus).
24. **Яковлев А. Н.** Реформация в России // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 5—15.
25. **Растимешина Т. В.** Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 128—135.

Поступила 16.02.2018

Антонов Федор Сергеевич — аспирант Московского государственного областного университета (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а), aspirantura@mgou.ru

References

1. Isaev B. A., Baranov N. A. Politicheskie otnosheniya i politicheskiy protsess v sovremennoi Rossii (Political Relationship and Political Process in Modern Russia), SPb. i dr., Piter, 2008, 394 p.
2. Bondarchuk R. Ch., Masharov E. I. Konstitutsionno-pravovye osnovy organizatsii i deyatelnosti Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii i ispolnitel'noi vlasti (Constitutional Legal Basics of Russian Federation Government and Executive Powers Organization and Activity), E-book, M., RPA Minyusta Rossii, 2013, 1 CD-R, No. gos. reg.: 0321601469, Sys. Req.: PC ne nizhe klassa Pentium I ADM, Intel ot 600 MHz; 128 Mb RAM; 100 Mb HDD; Windows, Linux; MS Word 2003.
3. Golosov G. V. Rossiiskaya partiinaya sistema i regional'naya politika. 1993—2003 (Russian Party System and Regional Policy. 1993 to 2003), SPb., Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2006, 304 p., Trudy fakul'teta politicheskikh nauk i sotsiologii.
4. Gel'man V. Ya. Transformatsiya v Rossii: politicheskii rezhim i demokraticeskaya oppozitsiya (Transformation in Russia: Political Regime and Democratic Opposition), M., MONF, 1999, 240 p., Monografiya, No. 7.
5. Leipkhart A. Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: sravnitel'noe issledovanie (Democracy in Complex Societies: a Comparative Study), M., Aspekt-Press, 1997, 288 p.
6. Mel'vil' A. Yu. Demokraticheskie tranzity: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty (Democratic Transits: Theoretical, Methodological and Application Aspects), E-book, M., MONF, 1999, 106 p., tabl., Nauchnye doklady, Mosk. obshchestv. nauch. fond, No. 7, Sys. Req.: Internet Explorer, Acrobat Reader.
7. Mel'vil' A. Yu. Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i protsedurnogo podkhodov k demokraticheskim tranzitam (Experience of Theoretical and Methodological Synthesis of Structural and Procedural Approaches to Democratic Transits), *Polis. Politicheskije issledovaniya*, 1998, No. 2, pp. 6—38.
8. Zubova L. G. Sotsial'noe rassloenie v Rossii (Social Differentiation in Russia), *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1995, No. 3, pp. 27—30.
9. Kara-Murza S. G. Sovetskaya tsivilizatsiya: ot Velikoi Pobedy do nashikh dnei (Soviet Civilization: From Great Victory to Our Days), M., Eksmo, Algoritm, 2004, 766 p.
10. Blyakher L. E., Ogurtsova T. L. Priklyucheniya legitimnosti vlasti v Rossii, ili vossozhdanie prezumpcii vinovnosti (Adventure of Power Legitimacy in Russia, or Reviving the Presumption of Culpability), *Polis. Politicheskije issledovaniya*, 2006, No. 3, pp. 53—66.
11. Legitimnost' politicheskoi vlasti (Metodologicheskie problemy i rossiiskie realii) (The Legitimacy of the Political Power (Methodological Problems and Russian Realities)), monografiya, by Yu. G. Volkov, A. V. Lubskii, V. P. Makarenko, E. M. Kharitonov, M., Vysshaya shkola, 1996, 252 p.

12. Dakhin A. A. Sistema gosudarstvennoi vlasti v Rossii: fenomenologicheskii tranzit (State Power System in Russia: Phenomenological Transit), *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2006, No. 3, pp. 29—40.
13. Efimov V. I. Vlast' v Rossii (Power in Russia), monografiya, M., RAGS, 1996, 273 p.
14. Pivovarov Yu. S. Russkaya vlast' i publichnaya politika. Zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticheskogo tranzita (Russian Power and Public Policy (A Historian's Notes about the Reasons of Unsuccess of the Democratic Transit)), *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2006, No. 1, pp. 12—32.
15. Nazarov M. M. Politicheskaya kul'tura Rossiiskogo obshchestva 1991—1995 gg.: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya (Political Culture of 1991—1995 Years' Russian Society: First Effort of Sociological Research), M., Editorial URSS, 1998, 175 p., tabl.
16. Isaev B. A., Baranov N. A. Sovremennaya rossiiskaya politika (Modern Russian Policy), SPb., Piter, 2012, 448 p.
17. Kodin M. I. Rossiya v “sumerkakh” transformatsii: evolyutsiya, revolyutsiya ili kontrrevolyutsiya? (Russia in the “Twilight” of Transformations: Evolution, Revolution of Counterrevolution?), M., S. I., 2001, 187 p., Ekonomika.
18. Rastimeshina T. V. Kul'turnoe nasledie Tserkvi v prezentatsii velikoderzhavnoi modeli istorii i obraza “narodnoi monarkhii” v sovremennoi Rossii (Cultural Heritage of the Church in Presentation of Major-Country Model of History and Image of “People's Monarchy” in Modern Russia), *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi akademii delovogo administrirovaniya. Seriya Filosofskie, sotsial'nye i estestvennye nauki*, 2012, No. 5 (17), pp. 76—84.
19. Ionov I. N. Istoricheskoe bessoznatel'noe i politicheskii mif: istoriograficheskii ocherk (Historical Nonconscious and Political Myth: Historiographic Essay), *Sovremennaya politicheskaya mifologiya: sodержanie i mekhanizmy funktsionirovaniya*, Sost. A. P. Logunov, T. V. Evgen'eva, M., RGGU, 1996, pp. 5—21.
20. Batalov E. Ya. Politicheskaya kul'tura Rossii skvoz' prizmu civic culture (Political Culture of Russia Through the Prism of Civic Culture), *Pro et Contra*, 2002, T. 7 No. 3, pp. 7—22.
21. Vydrin D. I. Ocherki prakticheskoi politologii (Sketch-Book of Practical Politology), Kiev, Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl', 1991, 128 p.
22. Rastimeshina T. V. Kul'turnoe nasledie i poddannicheskaya politicheskaya kul'tura rossiiskogo obshchestva (Cultural Heritage and Homagerist Political Culture of Russian Society), *Vlast'*, 2012, No. 2, pp. 18—21.
23. Ol'shanskii D. V. Osnovy politicheskoi psikhologii (Elementary Political Psychology), Ekaterinburg, Delovaya kniga, 2001, 496 p., Gaudeamus.
24. Yakovlev A. N. Reformatsiya v Rossii (Reformation of Russia), *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2005, No. 2, pp. 5—15.
25. Rastimeshina T. V. Vliyanie politiki kul'turnogo naslediya na politicheskuyu kul'turu sovremennogo rossiiskogo obshchestva (The Influence of the Cultural Heritage Policy on the Political Culture of the Modern Russian Society), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Istoriya i politicheskie nauki*, 2012, No. 5, pp. 128—135.

Submitted 16.02.2018

Antonov Fedor S., PhD Candidate, Moscow Region State University (105005 Russia, Moscow, Radio str., 10A), aspirantura@mgou.ru